

Мария

Программе Skype посвящается

Позабить и проснуться? Почти как уснуть, умереть.
Уместить на полях, на обертке от детского мыла
Две строки о тебе — и оставить навечно гореть
Истекающий воском фитиль подросткового пыла.

Ты сегодня блондинка. Брюнетка была бы видней
В искаженном окошке вебкамеры поутру рано,
Где родство проступает не светом студенческих дней,
А количеством пикселей на единицу экрана.

Мой компьютер для умной беседы не слишком хорош:
Слишком мягкий режим на окраине жесткого диска.
На простые вопросы, к примеру: "Ну, как ты живешь?"
Ставлю прочерк по каждому пункту из длинного списка.

Так во сне пулеметная очередь — без огонька,
Без единого звука и без боевого задора.
То ли по недосмотру примерзла к гашетке рука,
То ли просто несет холодком от стекла монитора.

Ничего не случилось, а снова кончается день.
Делать вид ни к чему, а не делаешь — даже красиво...
Зарабатывать деньги и скучно, и попросту лень,
А стихи сочинять — все никак не поймаю мотива.

Впрочем, здравствуй, Мария. Лекарства не выдумать нам,
К виртуальным заутреням так устремившимся пылко.
Но скажу по секрету (чего нам — своим пацанам!):
Тут у нас за углом — по одиннадцать фунтов бутылка.

Гений ремесла

"Монблан" не пишет, и "Мартель" горчит,
да и душа не требует соблазна.
Мария, я надеюсь, ты согласна,
что без соблазна — рукопись молчит.

Вернее, ничего не говорит,
как ни тасуй и ни коверкай слоги.
Я словно бы шагаю по дороге,
где ни одно окошко не горит.

А вспыхнет на последнем этаже,
поманит — долгожданная примета!
Но знаешь наперед источник света,
и гаснет свет в окошке и в душе.

Уехать? По накатанной пойдешь
в гараж, где все налажено к отъезду:
автомобиль, готовый мчаться к месту,
где впечатленья сыплются, как дождь.

Зарницы человеческих страстей,
действительности влажные картины —
лишь мутный оттиск подлинной картины,
речитатив для сводки новостей,

трезвон прибрежной гальки. Здесь пора
сказать стихами, то есть безыскусно:
расплатой за познание искусства
является молчание пера.

Но в роли полномочного посла,
с конца капота весь — лазурь и никель,
мне салютует в солнечной тунике
немой и гордый гений ремесла.

Портретик

Четвертый день ребенок в доме,
в ушах, извилинах, висках.
Пошел поесть. В дверном проеме
она с младенцем на руках,

как в четырехугольной раме.
Какой затасканный сюжет!
А впрочем, кажется, в исламе
такого нет.

И третий лишний на картине
плечом оперся о косяк,
дав отдых телу. Вдруг в квартире
быт содрогнулся и иссяк

в момент, когда на скрип в прихожей
над сыном обернулась вдруг.
Какой обыденный, расхожий,
какой божественный испуг!

Ночью

Без повода, задолго до рассвета
проснувшись, находил глазами руку,
я находил ее почти по звуку,
как узнают собрата по привету.

У самого лица, поверх подушки,
немой вопрос в полукрытой горсти.
Не отрываясь, я глядел послушно,
по недосмотру приглашенный в гости.

Как тайное переливанье крови,
в окне менялись очертанья ночи.
Я, недвижим, лежал с рукою вровень,
я сам себе казался беспорочен.

А лунный луч — он выведет из тени
узоры тонких линий на запястье,
скользнет к лицу и подле губ застынет,
как серебро для первого причастья.

Гюзель

Я не храню семейные обеты,
мои кумиры — ночь и алкоголь.
Все кошки серы, грешники отпеты,
и ангелы пострижены под ноль.

Как в смертоносном танце Саломея —
туркменочка со шрамом на лице
любила, словно бы писала мелом
на белоснежном ватманском листе.

Ей не терпелось выглядеть живее,
чем лица предков в глиняных гробах,
но голый почерк ветра-суховея
сквозил в ее движеньях и губах.

Он звал подняться с купленной постели
и разрешить рискованный вопрос:
какие духи дремлют в гибком теле,
и что сулит рисунок тонких кос?

И я изнемогал в ее порывах —
подобье солнцем выжженных пространств,
и радостная грация надрыва
была верней — дика и горделива —
всех на земле бесплатных постоянь.

Ах, не ищите в голосе трагизма,
трагизм смешон, когда такая власть!
И исцеляет душу от цинизма
за пять червонцев купленная страсть.

Лондон